



Индира Дол

**Тайна
Блэквуд-Холла**

Индира Дол

Тайна Блэквуд-Холла

«Автор»

2026

Дол И.

Тайна Блэквуд-Холла / И. Дол — «Автор», 2026

Октябрь 1930 года. Девоншир. Поместье Блэквуд-Холл полностью отрезано от остальной Англии разрушительным наводнением. Действующий старший инспектор Скотленд-Ярда Джон Честертон прибывает в роскошную усадьбу по приглашению своего старого университетского друга — эксцентричного миллионера сэра Чарльза Блэквуда. Джон предвкушал мирный уикенд и охоту на фазанов, но вместо радушного приема его ждет леденящий душу кошмар. Хозяин поместья найден мертвым в собственном рабочем кабинете. Кабинет наглухо заперт изнутри на тяжелый ключ, окна закрыты на шпингалеты, а на ковре у ног мертвеца покоятся осколки фарфоровой чашки из-под отравленного вечернего чая. Сэр Чарльз тайно умирал от неизлечимой онкологии и спешил изменить завещание, чтобы исправить страшную ошибку своего прошлого — но кто-то безжалостно опередил закон. Помощи ждать неоткуда. Инспектор Честертон понимает: безжалостный отравитель находится среди присутствующих в гостиной под подозрением оказываются все...

© Дол И., 2026

© Автор, 2026

Индира Дол

Тайна Блэквуд-Холла

«Посвящается Руслану и тем уютным осенним вечерам,

когда за окном шумит проливной дождь,

в камине огонь, а лучшим спутником

становится хорошая книга с запутанной интригой

и безупречной логикой»

ТАЙНА БЛЭКВУД-ХОЛЛА.
(детектив)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1.....	3
Глава 2.....	17
Глава 3.....	20
Глава 4.....	23
Глава 5.....	28
Глава 6.....	31
Глава 7.....	33
Глава 8.....	35
Глава 9.....	37
Глава 10.....	39
Глава 11.....	41
Глава 12.....	43
Глава 13.....	46
Глава 14.....	49
Глава 15.....	52
Глава 16.....	54
Эпилог	56
Примечание от автора	58

*«Когда стихия отрезает пути к отступлению,
роскошный особняк превращается в герметичный капкан.*

И самое страшное в этой ловушке —

*не буря за окном, а понимание того, что вежливый сосед по камину может оказаться
хладнокровным палачом».*

ГЛАВА 1

В первой половине октября Девоншир еще сохранял остатки благородного тепла, но к двадцатому числу погода решительно переменилась. Небо над графством заволокло тяжелыми, свинцовыми тучами, из которых бесконечным потоком хлынул ледяной, пронизывающий дождь. В тот памятный октябрьский вечер 1930 года сумерки опустились на Девоншир необычайно рано, принес с собой не покой, а смутную, гнетущую тревогу. Воздух над вересковыми пустошами сделался густым и неподвижным, точно замершим в ожидании сокрушительного удара.

Автомобиль инспектора Джона Честертона миновал благополучный Сомерсет, и за окном замелькали совсем другие, суровые пейзажи. Дорожный указатель, едва различимый в наползающих сумерках, сухо возвестил о въезде в границы Девоншира. Этот далекий юго-западный угол Англии, омываемый штормовыми морями, неохотно принимал чужаков из столицы. Лондон с его удушливым смогом и упорядоченными улочками Скотленд-Ярда остался в сотнях миль позади; здесь же, на самом краю британской земли, царили лишь безмолвные холмы, древние гранитные скалы и глухие торфяные топи Дартмура, раскинувшиеся по правую руку от дороги. Джон Честертон занимает должность старшего инспектора Скотленд-Ярда. Ему недавно исполнилось сорок пять лет — возраст, когда к мужчине приходит та зрелая, спокойная уверенность, которую невозможно сыграть. Он был холост, брюнет, высок, подтянут и обладал той безупречной военной выправкой, которая выдавала в нём участника Великой войны, хотя сам он никогда об этом не упоминал. В его чертах лица, словно высеченных из благородного серого гранита, читалась порода: прямой, тонкий нос, волевой подбородок с едва заметной ямкой и глубокие, пронизательные серо-зелеными глаза. Эти глаза, казалось, никогда не отдыхали; они смотрели на собеседника спокойно, чуть прищурившись, и под этим взглядом лжецы обычно начинали неловко поправлять галстуки. Его виски уже тронула благородная седина, что лишь добавляло его облику солидности офицера Скотленд-Ярда. Джон Честертон двигался с неторопливым, экономным изяществом человека, который никогда не суетится. Его голос — глубокий, бархатистый баритон — всегда звучал ровно, без крика и лишних эмоций, но в нём была та тихая, непреклонная сила, которой беспрекословно подчинялись и лондонские констебли, и лорды. Джон питал слабость к хорошим вещам, которые служат десятилетиями. В эту поездку он отправился в добротном твидовом пальто кофейного оттенка, защищавшем от капризной девонширской погоды, и безупречно сшитом темно-сером костюме-тройке из плотной шерсти. На его жилете поблескивала тонкая серебряная цепочка карманных часов фирмы *Breguet* — подарок матери. На голове инспектора всегда красовалась строгая фетровая шляпа-Борсалино с неширокими полями, которую он привычным жестом чуть сдвигал на затылок, когда задумывался.

У него были две главные страсти. Первая — это тяжелая, выдавшая виды трубка из корня бриара, с которой он практически не расставался во время размышлений. Джон курил дорогой вирджинский табак с легким ароматом чернослива, и этот запах всегда первым извещал окружающих о появлении инспектора. Вторая страсть — старинное двустольное ружье *Purdey*, которое он вез в кожаном чехле на заднем сиденье автомобиля, искренне надеясь на мирный уикенд и охоту на фазанов со старым другом сэром Чарльзом Блэквудом. Джон Честертон не принадлежал к числу детективов, которые ползают с лупой по коврам в поисках сигаретного пепла, хотя вещественные улики уважал и фиксировал мгновенно. Его главным оружием была психология. Выпускник Оксфорда, он прекрасно понимал скрытые механизмы человеческой души. Джон считал, что убийство — это не просто юридический факт, а логическое завершение затянувшегося психологического кризиса или корысти. Он обладал редким даром — умением молчать и слушать так, что люди, стремясь заполнить неловкую паузу, сами выбалтывали свои самые сокровенные тайны. Инспектор был хладнокровен, ироничен, но под маской сухо-

ватого британского скепсиса скрывалось глубокое, почти обостренное чувство справедливости.

Река Чертуэлл Девоншир, обычно лениво петлявшая между холмами, опасно вздулась, грозя затопить единственный каменный мост. Именно в этот хмурый предштормовой вечер, за несколько часов до того, как стихия полностью отрезала поместье от остального мира, в Блэквуд-Холле ждали гостя. Сэр Чарльз Блэквуд пригласил своего старинного друга, действующего старшего инспектора Скотленд-Ярда Джона Честертона, провести уикенд за традиционной охотой на фазанов. Письмо было отправлено заранее, и хозяин дома с особым, почти лихорадочным нетерпением высчитывал минуты до прибытия лондонского поезда.

Само поместье Блэквуд-Холл являло собой великолепный, хотя и несколько зловещий образец поздней викторианской архитектуры. Огромный трехэтажный особняк из темного девонширского камня, украшенный остроконечными шпилями и искусно вырезанными гаргульями, горделиво возвышался посреди ухоженного тисового парка. Изнутри дом поражал суровой, величественной роскошью. Просторный парадный холл был облицован дубовыми панелями мореного дерева, на которых ярко поблескивали фамильные доспехи и старинное оружие. Пол устилали тяжелые персидские ковры, глушившие каждый шаг, а из раскинувшейся по обе стороны парадной лестницы веяло вековой историей. В камине гостиной, выложенном редким зеленым мрамором, с треском полыхали поленья, бросая причудливые блики на хрустальные подвески массивных люстр. Блэквуд-Холл был идеальным английским гнездом — респектабельным, богатым и надежно скрывающим любые фамильные секреты за своими стенами.

В этот вечер в малой гостиной у камина собрались обитатели и гости дома, и за их безупречными светскими манерами скрывалось едва выносимое напряжение.

У самого огня в глубоком бархатном кресле сидела хозяйка дома, леди Элеонора Блэквуд. В свои пятьдесят восемь лет леди Элеонора Блэквуд обладала той редкой, увядающей, но по-прежнему царственной красотой, которая дается лишь женщинам из древних аристократических родов. Годы не согнули её — она отличалась неестественно прямой, почти струнной осанкой и высокомерной посадкой головы. Её лицо, бледное и гладкое, словно выточенное из дорогого паросского мрамора, казалось безупречной маской, на которой время и жизненные невзгоды не осмелились оставить явных следов, за исключением тонких, едва заметных морщинок в уголках губ.

Особого внимания заслуживали её глаза — крупные, холодного серо-стального оттенка, под цвет девонширского неба. В этих глазах никогда не было тепла; они смотрели на окружающих свысока, с легким оттенком снисходительного пренебрежения, свойственного людям её круга. Губы Элеоноры, тонкие и всегда плотно сжатые, выдавали натуру волевою, скрытную и безжалостную к чужим слабостям. Её идеально уложенные рыжие волосы, отливавшие благородным золотом, были зачесаны назад и собраны на затылке в строгий, тяжелый узел, не позволяя ни одной пряди выбиться наружу. Для предвечернего часа в малой гостиной леди Элеонора выбрала строгое, но изысканное закрытое платье из тяжелого шелка глубокого полуночно-синего цвета. Длинные узкие рукава подчеркивали изящество её тонких рук с бледными запястьями. На плечи была небрежно наброшена дорогая кашемировая шаль дымчатого оттенка, в которую она куталась, словно пытаясь защититься не от сырости старого особняка, а от невидимой угрозы, нависшей над её будущим. Элеонора презирала современную моду тридцатых годов, предпочитая оставаться верной сдержанной роскоши ушедшей эпохи. Из украшений на ней были лишь три вещи, подчеркивавшие её статус: массивная фамильная брошь с крупным сапфиром у воротника, обручальное кольцо и старинный перстень с бриллиантом чистейшей воды на указательном пальце правой руки. Её пальцы, несмотря на внешнее спокойствие, оставались в постоянном, едва заметном напряжении — она то и дело судорожно перебирала тончайший кружевной платок. Каждая деталь облика леди Элеоноры транслиро-

вала безупречную респектабельность. Она была дочерью обедневшего графа, которая вышла замуж за нувориша сэра Чарльза ради спасения родового имени от позора банкротства. Её холодность и надменность были выстроены годами как надежная броня, она презирала своего супруга, поскольку никогда ни чувствовала от него любви и уважения.

Рядом с ней, на невысоком шелковом пуфе, устроилась её компаньонка мисс Грейс Мэллори была из тех девушек, чья неброская, меланхоличная красота открывается далеко не каждому взгляду. На фоне властной леди Элеоноры она казалась прозрачной, почти бесплотной тенью. Ей было двадцать четыре года, но из-за хрупкого телосложения, тонких запястий и вечно опущенных плеч она выглядела значительно моложе. Её лицо, имевшее мягкий овальный контур, отличалось той болезненной, фарфоровой бледностью, которая бывает у людей, проводящих слишком много времени в закрытых, лишенных солнечного света комнатах. У Грейс были удивительно крупные, широко расставленные глаза редкого орехового оттенка. В них застыло выражение перманентного испуга и кротости, напоминающее взгляд загнанной лани. Тонкие, нежно-розовые губы девушки часто подрагивали, и она имела привычку слегка прикусывать нижнюю губу, когда к ней обращались с вопросом. Её густые, каштановые волосы, лишенные блеска, были скромно и гладко зачесаны на прямой пробор и убраны ушей, открывая маленькие, мочки которых никогда не знали серег. В гостиной Блэквуд-Холла мисс Мэллори выглядела живым воплощением скромности, полностью соответствующим её незавидному статусу бедной компаньонки. Она была одета в закрытое, глухое платье из недорогой шерстяной фланели цвета увядшей травы или темного шалфея. Единственным украшением этого строгого наряда служил безупречно чистый, накрахмаленный белый воротничок-стойка. На ногах у неё были простые черные туфли на низком каблучке с аккуратными круглыми носами. Главной и самой интригующей деталью её облика была маленькая вечерняя сумочка, плотно расшитая мелким черным бисером. Грейс держала её на коленях обеими руками с такой отчаянной силой, словно в этом ридикюле заключалась вся её жизнь.

Внешний вид Грейс транслировал абсолютную покорность, безобидность и готовность терпеть любые капризы леди Элеоноры ради куска хлеба и крыши над головой. Она казалась идеальной жертвой обстоятельств, неспособной на протест. Однако эта кротость была её главным щитом. За испуганными глазами и тихим голосом скрывалась натура глубоко несчастная, но способная на отчаянные поступки ради любви. Грейс была тайно влюблена в беспутного племянника хозяина дома, сэра Чарльза Блэквуда Ричарда Блэквуда, и этот секрет делал её бледность еще более зловещей: ведь ради спасения любимого человека от долговой тюрьмы даже самая тихая девушка способна пойти на крайние меры.

У противоположной стены, укрывшись в тени тяжелых портьер, стоял племянник хозяина — Ричард Блэквуд. Ричарду Блэквуду исполнилось тридцать два года. Он обладал той броской, порочной и увядающей красотой, которая часто встречается у молодых людей из хороших семей, слишком рано пустившихся во все тяжкие. Выше среднего роста, широкоплечий, но слегка сутулящийся, он держался с подчеркнутой, ленивой небрежностью, граничащей с цинизмом. В его чертах лица угадывалось фамильное сходство с сэром Чарльзом Блэквудом — тот же прямой аристократический нос и упрямый подбородок, однако на лице племянника природа оставила явные следы изнурительного образа жизни. Кожа Ричарда была бледной, с легким сероватым оттенком, какой бывает у завсегдатаев закрытых лондонских клубов, не видящих солнца неделями. Под его воспаленными, полубезумными от бессонницы глазами залегли глубокие темные тени, выдававшие человека, терзаемого скрытой лихорадкой. Густые, темные, слегка выющиеся волосы были небрежно зачесаны назад с помощью бриолина, но одна непослушная прядь постоянно падала ему на лоб, и он отбрасывал её резким, раздраженным движением. Губы Ричарда, изогнутые в вечной скептической усмешке, то и дело кривились, обнажая ровные, но пожелтевшие от табачного дыма зубы.

Для предвечернего часа в Блэквуд-Холле Ричард оделся с той изысканной щеголеватостью, которая призвана замаскировать финансовый крах. На нём был безупречно скроенный смокинг из дорогой полуночно-черной шерсти, белоснежная сорочка с накрахмаленным воротником-стойкой и строгий шелковый галстук-бабочка. Черный атласный жилет плотно облегал его подтянутую фигуру. От него исходил густой, резкий шлейф дорогого одеколона с нотами кожи и сандала, смешанный с едким запахом турецкого табака. Ричард курил одну сигарету за другой, стряхивая пепел прямо на ковер, когда экономка не видела.

Внешний вид Ричарда указывал на образ скупающего, пресыщенного жизнью повесы, которому нет дела до семейных неурядиц. Однако за этой позой скрывалось крайнее, почти звериное отчаяние. Ричард был заядлым игроком, задолжавшим лондонским синдикатам сумму, грозившую ему не просто позором, а долговой тюрьмой. Приезд в Блэквуд-Холл был его последней попыткой вымолить деньги у дяди.

Чуть поодаль, за небольшим секретером, листал финансовые отчеты Николя Дюпон. Николя Дюпону было не больше двадцати восьми лет. Он обладал той утонченной, неброской и на первый взгляд совершенно безобидной внешностью, которая свойственна кабинетным работникам и ученым. Чуть ниже среднего роста, худощавый и хрупкий, он казался почти мальчиком на фоне широкоплечего Ричарда Блэквуда. У него было правильное, приятное лицо с мягкими чертами, гладкой смуглой кожей и аккуратным, слегка заостренным носом.

Его черные волосы были подстрижены по последней лондонской моде и уложены на косой пробор с идеальной, пугающей аккуратностью — ни один волосок не смел выбиться из этой строгой линии. Главной деталью его лица были круглые очки в тонкой золотой оправе. Стёкла очков были настолько чистыми, что при определенном угле освещения в гостиной они ловили отблески камина, полностью скрывая выражение его глаз. Но когда Николя снимал их, чтобы протереть платком, его настоящие глаза — маленькие, глубоко посаженные, необычайно цепкие и холодные глаза расчетливого хищника, который видит окружающих насквозь. В отличие от британских аристократов, Николя одевался со скромным, но безупречным континентальным изяществом. На нём был темно-синий шерстяной пиджак, идеально подогнанный по фигуре, строгие серые брюки со стрелками и белоснежная рубашка с мягким воротничком, повязанная аккуратным шелковым галстуком приглушенного бордового оттенка. Француз двигался бесшумно, точно кошка, плавно перетекая из одного угла комнаты в другой. От него исходил едва уловимый, тонкий аромат лавандовой воды и дорогой бумаги. Его руки были необычайно серыми, с длинными, тонкими пальцами пианиста или карточного фокусника. Николя обладал изящной, выверенной жестикуляцией. На его правом запястье на кожаном ремешке тикали аккуратные швейцарские часы — редкая и дорогая вещь для обычного наемного секретаря и помощника. Николя Дюпон внушал окружающим образ идеального, преданного и незаметного служащего, который живет исключительно интересами своего патрона. Он разговаривал тихим, вкрадчивым голосом с едва уловимым, шармовым французским акцентом, всегда подбирая максимально вежливые и точные формулировки. Он казался тенью сэра Чарльза, неспособной на личные амбиции. Однако за этой ширмой исполнительности скрывался блестящий, холодный и абсолютно безжалостный математический ум. Николя был игроком совершенно иного масштаба, нежели импульсивный Ричард.

За кофейным столиком с бокалом хереса устроился старинный друг семьи — доктор Томас Бёрнс, доктору Томасу Бёрнсу недавно исполнилось пятьдесят лет, но выглядел он значительно старше своего возраста. Это был крупный, грузный мужчина с широкими плечами и тяжелой, слегка неуклюжей походкой человека, который всю жизнь провел на ногах, навещая пациентов в сырых девонширских долинах. Его лицо, покрытое сеткой мелких капилляров от постоянного пребывания на ветру и холоде, отличалось землистым, усталым оттенком. Серые, глубоко посаженные глаза под густыми, вечно нахмуренными седеющими бровями

смотрели на мир со смесью профессионального цинизма и глубокой, затаенной печали. Крупный нос и массивный подбородок придавали его облику черты сурового деревенского сквайра, но этот образ разрушали его губы — толстые, вечно припухшие, они то и дело нервно подергивались, когда доктор оставался наедине со своими мыслями. Редящие, жесткие волосы цвета мокрой соли были небрежно зачесаны набок, обнажая высокий, изрезанный глубокими поперечными морщинами лоб. Для ужина в Блэквуд-Холле доктор Бёрнс оделся без той изысканной щепетильности, которая отличала Ричарда или Николя Дюпона. На нём был просторный, слегка мешковатый шерстяной костюм-тройка темно-коричневого цвета, который пах торфяным дымом, йодом и хлором. Манжеты его рубашки были слегка затерты, а на лацкане пиджака виднелось небольшое пятнышко от химического раствора. Доктор сидел в углу гостиной, тяжело откинувшись на спинку дивана, и почти не выпускал из рук пузатый бокал с хересом. Главной и самой приметной деталью его облика были руки — крупные, широкие ладони с короткими пальцами хирурга. Каждый раз, когда Бёрнс подносил бокал к губам, хрусталь едва слышно звякал о его массивное золотое кольцо-печатку, и доктор поспешно прятал пальцы в кулак, сердито хмуря брови. Внешний вид Томаса Бёрнса транслировал образ преданного семейного врача и старинного друга дома, измученного многолетней практикой. Ему доверяли все тайны Блэквудов: от нервных припадков леди Элеоноры до сердечных недомоганий самого сэра Чарльза. Однако за этой маской усталой надежности скрывался надломленный человек. Доктор Бёрнс хранил постыдный секрет — роковую медицинскую ошибку, совершенную им несколько лет назад, о которой сэр Чарльз случайно узнал и использовал для мягкого, но непреклонного шантажа. Бёрнс был привязан к этому дому финансовыми обязательствами и страхом потерять репутацию.

В гостиной так же находился грузный пятидесятилетний мужчина с усталым лицом и вечно хмурыми бровями. Он вполголоса беседовал с личным доктором Блэквуда. Мистер Артур Кендрик известный юрист округа. Мистеру Артуру Кендрику было около шестидесяти лет, и весь его облик казался живым воплощением лондонского Сити. Это был сухопарый, неестественно сутулый мужчина, чья фигура напоминала туго свернутый черный зонт-трость. Лицо адвоката, длинное и узкое, отличалось сухой, пергаментной бледностью человека, который десятилетиями дышал лишь пылью архивных папок и лондонским смогом. У него были толстые, почти прозрачные губы, которые он постоянно сжимал в бледную горизонтальную линию, и узкий ястребиный нос с горбинкой, на кончике которого прочно сидело тяжелое роговое пенсне. Его глаза, скрытые за толстыми стеклами, имели неопределенный водянисто-серый оттенок; они смотрели на мир без малейшего выражения, с профессиональным, леденящим равнодушием, за которым невозможно было угадать ни единой человеческой мысли. Тонкие седые волосы были зачесаны на прямой пробор и приглажены с такой математической точностью, словно их положение регулировалось параграфом британского права. Мистер Кендрик привез с собой в Девоншир дух строгой столичной канцелярии. Несмотря на загородную обстановку, на нём был безупречный, глухой черный сюртук, наглухо застегнутый жилет и белоснежный, жесткий, как жезл, воротничок, который буквально впивался в его сухую шею. От него исходил стойкий запах чернил, сургуча и старой бумаги. Главной и неотъемлемой деталью его образа был массивный портфель из жесткой черной свиной кожи с массивным латунным замком, который Кендрик держал на коленях, сидя в углу малой гостиной. Адвокат ни на секунду не выпускал его из рук и не ставил на пол. Его сухие пальцы с аккуратно подстриженными, желтоватыми от табака ногтями то и дело слегка постукивали по крышке портфеля. Внешность Артура Кендрика транслировала абсолютную, непоколебимую надежность, профессиональную тайну и слепое подчинение букве закона. Он казался бесстрастной машиной для составления контрактов. Однако за этой чопорной лондонской ширмой скрывался человек, оказавшийся в глубоком замешательстве и ужасе. Кендрик знал, что именно

написано в бумагах, запертых в его портфеле. Он прекрасно понимал, что привез в Блэквуд-Холл смертный приговор для кого-то из присутствующих, и это знание делало его движения неестественно скованными. Его сухой, скрипучий голос и манера ежеминутно поправлять пенсне выдавали глубочайший внутренний кризис юриста, который внезапно осознал, что стал невольным соучастником семейной драмы.

На диване в углу, демонстративно листая ботанический атлас, сидела мисс Беатрис Вудсток. Мисс Беатрис Вудсток было около 42 лет. Она являлась родной младшей сестрой покойной первой жены сэра Чарльза и представляла собой классический, яркий тип эксцентричной английской старой девы, на которую лондонское светское общество смотрело с легким недоумением, а прислуга в провинции — с откровенным страхом. Высокая, угловатая, с резкими и крупными чертами лица, она двигалась порывисто и размашисто, полностью игнорируя всякие правила светской грации. Её лицо, густо покрытое веснушками и сильно обветренное от постоянного пребывания на открытом воздухе, отличалось здоровым, почти крестьянским румянцем. У Беатрис был крупный, прямой нос и живые, пронизательные глаза цвета болотной воды, которые смотрели на мир с дерзким, колючим любопытством. Тонкие губы почти всегда были иронично искривлены. Копна жестких, каштановых волос была наспех и хаотично заколота на макушке костяными шпильками, отчего несколько непослушных прядей постоянно выбивались и падали ей на лицо, придавая Беатрис слегка растрепанный и воинственный вид. Для ужина в Блэквуд-Холле мисс Вудсток оделась демонстративно вызывающе, словно желая подчеркнуть свое презрение к новой хозяйке дома, леди Элеоноре. Вместо изысканного вечернего платья на ней был надет строгий, старомодный костюм из плотного шотландского твида болотного оттенка, больше подходящий для загородных прогулок, и блуза с высоким воротником, заколотая крупной серебряной брошью в виде кельтского узла. От Беатрис исходил густой, ни на что не похожий шлейф запахов: едкий аромат сушеной полыни, горького миндаля, спирта и влажной земли. Она сидела на диване в углу, демонстративно отгородившись от остальных массивным ботаническим атласом. Главной и самой пугающей деталью её облика были руки — сильные, узловатые пальцы с короткими ногтями, на которых, несмотря на тщательное мытье, въелись темные следы от сока растений. На её запястье на кожаном шнурке болтался тяжелый серебряный флакон-амулет, внутри которого, по слухам, она держала сильные успокоительные капли собственного приготовления. Внешний вид Беатрис независимой, резкой и глубоко уязвленной женщины. Она фанатично оберегала память своей умершей сестры и открыто ненавидела леди Элеонору, считая её хищницей, забравшей чужое место. Беатрис была известна в округе как страстный ботаник-любитель, собиравший редкие лекарственные и ядовитые травы в девонширских долинах. За её громким голосом и демонстративным равнодушием к семейным делам скрывалась глубокая обида и жажда справедливости. В гостиной ей безмолвно прислуживал молодой лакей Генри, его руки, державшие серебряный поднос, заметно подрагивали. Генри был совсем молодым человеком — ему едва исполнилось двадцать два года. Он обладал той типичной для лондонских предместий внешностью, которую называют «простецкой, но честной»: круглое, усыпанное бледными веснушками лицо, короткий изогнутый нос и простодушные, широко раскрытые голубые глаза. Обычно расторопный и исполнительный, в этот вечер Генри выглядел так, словно пережил глубокое потрясение. Его кожа приобрела мертвенно-серый, почти восковой оттенок, какой бывает у людей, внезапно столкнувшихся с чем-то запредельно ужасным. Светлые, непослушные волосы, обычно аккуратно зачесанные назад по приказу экономки, растрепались от пота, и влажные пряди липли к его лбу. Губы Генри были судорожно сжаты, а в уголках рта застыла испуганная, жалкая гримаса. Он то и дело сглатывал слюну, судорожно дергая кадыком, всякий раз, когда его взгляд падал на массивную дубовую дверь кабинета сэра Чарльза на первом этаже поскольку очень боялся хозяина поместья. Для вечернего обслуживания гостей Генри оделся в парадную ливрею Блэквуд-Холла: безупречно отглаженные черные брюки, строгий темный жилет

на пуговицах и белоснежную накрахмаленную сорочку. На руках у него были надеты тонкие белые хлопчатобумажные перчатки — обязательный атрибут слуги в приличном доме. Главной деталью его облика, приковавшей внимание, были его руки. Генри держал большой серебряный поднос, на котором стояла фарфоровая чашка с вечерним чаем для хозяина. Его руки так отчаянно, крупно дрожали, что фарфор на подносе издавал непрерывный, тонкий и жалобный звон. Парень изо всех сил пытался унять эту дрожь, прижимая локти к туловищу, но белая ткань перчаток на его пальцах заметно ходила ходуном. От него исходил легкий запах дешевого табака и мятных пастилок, которыми он пытался заглушить нервную икоту. Внешний вид Генри символизировал абсолютную, паническую растерянность маленького человека, оказавшегося в эпицентре дворянского собрания. Он проработал в Блэквуд-Холле всего пару месяцев и панически боялся строгой экономки мисс Смит и властного хозяина. Генри был человеком набожным, но частые звуки издающейся с потолка или стен замка пугали его, ветер казался зловещим шепотом, доносившемся сверху. Из коридора за всем происходящим в гостиной, словно безмолвное изваяние, следила строгая пожилая экономка Эмили Смит, которая дала указание отнести чай сэру Ричарду.

Эмили Смит было около шестидесяти лет, и тридцать из них она провела в стенах Блэквуд-Холла. Она была среднего роста, неестественно худой и сутуловатой женщиной, чей силуэт в полумраке коридоров напоминал зловещую черную птицу. Годы безжалостно обошлись с её лицом: кожа, сухая и желтоватая, как старый пергамент, туго обтягивала высокие скулы и острый, птичий нос с горбинкой. Глубокие, скорбные складки прорезали её лицо от ноздрей к углам вечно поджатых, бесцветных губ. Но самым примечательным во внешности экономки были её глаза — маленькие, угольно-черные, лишённые блеска, они смотрели на мир из-под нависших седых бровей с тяжелой, фанатичной суровостью. В этих глазах не было места жалости или сомнениям; они казались зеркалом души человека, который давно похоронил свои земные радости и жил лишь суровым чувством долга и религиозным страхом. Её жесткие, белые как лунь волосы были гладко зачесаны назад под крахмальный чепец, не оставляя ни малейшего намека на кокетство. Одежда мисс Смит полностью отражала её внутренний склад. Она носила глухое, тяжелое платье из черной шерсти, доходившее до самых щиколоток, которое при ходьбе издавало едва слышный, сухой шорох. Поверх платья неизменно был повязан безупречно чистый, накрахмаленный белый фартук со множеством глубоких карманов. От экономки исходил стойкий, холодный запах лавандового мыла, воска для полировки мебели и старого церковного ладана. В левой руке Эмили непрерывно перебирала тяжелые четки из темного дерева, и этот мерный, сухой стук бусин в тишине дома действовал на окружающих угнетающе. На её поясе, на массивном стальном кольце, висела тяжелая связка ключей от всех комнат и кладовых особняка. При каждом её движении ключи издавали характерный, глухой металлический звон. Для прислуги она была непререкаемым и грозным авторитетом, для хозяев — незаметной, но незаменимой частью усадьбы. Эмили знала о семье Блэквудов больше, чем они сами: она помнила первую жену сэра Чарльза, знала истинные причины её безвременной кончины и тайно презирала леди Элеонору.

Рядом с Ричардом, тихо переговариваясь, стоял его приятель, отставной капитан Блейк. Капитану Артуру Блейку было тридцать пять лет. Это был подтянутый, сухощавый мужчина среднего роста, чья безупречная, словно застывшая выправка с потрохами выдавала в нём кадрового военного. Он прослужил в окопах Великой войны, и этот опыт оставил на его облике неизгладимый отпечаток. Его движения были резкими, точными и экономными, лишёнными малейшей светской расслабленности. У него было худощавое, загорелое лицо с резкими, словно высеченными из дерева чертами. Короткая, по-военному подстриженная полоска темных усов над тонкой верхней губой придавала ему строгий, почти суровый вид. Особого внимания заслуживали его глаза — светло-серые, холодные и необычайно зоркие. Они не блуждали по комнате, а перемещались от одного объекта к другому медленно и оценивающе, словно

капитан постоянно просчитывал пути к отступлению или искал скрытую угрозу. На его левой щеке, от скулы до самого подбородка, тянулся тонкий, побелевший от времени шрам — след от осколка снаряда, который Блейк имел привычку задумчиво потирать, когда сталкивался с трудной задачей.

Для ужина в поместье капитан оделся в строгий вечерний смокинг, который сидел на его мускулистой фигуре как влитой, напоминая парадный военный мундир. На его белоснежном жилете поблескивала скромная стальная цепочка армейских часов. От Блейка исходил едва уловимый, сухой запах ружейного масла, дорогого английского табака и ментола. Капитан держался особняком, почти всегда стоя у стены или в полутени портьер, держа бокал с виски на уровне груди. Его пальцы оставались абсолютно неподвижными, в отличие от дрожащих рук Ричарда Блэквуда, Блейк ни на секунду не спускал глаз с лондонского адвоката Кендрика и его кожаного портфеля. Артур Блейк был надежным, хладнокровным и верным другом, готовый прийти на помощь в любую минуту. Он прибыл в Блэквуд-Холл вместе с Ричардом якобы «за компанию», но его истинная роль на этом ужине была куда глубже. Блейк и Ричард были однополчанами, и капитан чувствовал себя обязанным защищать беспутного друга от лондонских кредиторов. За его ледяным спокойствием и безупречными манерами скрывался человек, привыкший к экстремальным ситуациям и умеющий обращаться с химикатами и полевыми аптечками.

А в это время сам хозяин дома, сэр Чарльз Блэквуд, находился в своем роскошном кабинете на первом этаже. В тусклом сиянии настольной лампы с зеленым абажуром он, тяжело дыша, просматривал бумаги, которые должны были в корне изменить судьбу каждого, кто находился в этой усадьбе. Чарльз чувствовал, как вокруг него сжимается невидимое кольцо, и его единственной надеждой был скорый приезд друга из Скотленд-Ярда. Из каминной трубы доносился завывающий гул начинающейся бури, а напольные часы в холле глухо пробили семь раз. До начала ужина в замке Девоншира оставалось меньше часа. Его крупное лицо приобрело нездоровый, желтовато-серый оттенок слоновой кости. Домашние списывали это на скверный характер и застарелую стенокардию, однако под бархатным домашним пиджаком старик скрывал страшную, неизлечимую тайну. Лондонские онкологи вынесли ему приговор еще месяц назад, отмерив несчастному миллионеру от силы несколько месяцев. Именно это знание, тщательно оберегаемое от леди Элеоноры и прислуги, заставляло сэра Чарльза действовать с такой лихорадочной, пугающей спешкой. Он собрал всех родственников и знакомых в Блэквуд-Холле под предлогом обычной загородной охоты, скрывая истинную, мрачную цель этого съезда — огласить свою последнюю волю до того, как болезнь окончательно заберет его разум и жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.